

КАКОЙ удивительный сегодня зимний день! Ветви сказочных деревьев похожи на оловянную вязь, вылитую «на счастье» в ющенский морозный вечер. И земля в снежном кружеве — пластична, скульптурна, будто вылеплена искусным мастером. Вот по ветвям легко пробежала белка. Она кажется темной среди ослепительной, нетронутой белизны света. А в общем-то это скорее большой пушистый хвост, к которому прикреплено немножко белки. Вот снежная шапка с верхней ветки упала на нижнюю снежную шапку. Первое движение.

Какой воздух! Какая тишина! С каким тонким вкусом сочетаются краски! Какая гармония в природе! Все так бело, что небо, образующее фон, кажется темным. Оно выглядит темной рамкой вокруг снежного покрова, рамкой, подчеркивающей красоту абриса ветвей — этих бесчисленных вариаций самовыражения природы. Внезапно я замечаю у себя над головой — гроздь рябины сочатся красным в парящей белизне укрытых снегом деревьев.

Таков зимний день на дорогом моему сердцу острове Кассаримаа. И люди этих мест удивительны, веселы, отзывчивы, горды и, как им самим кажется, знамениты во всем мире. Дед Прийду Ниттима, например, помнит, как гордо вел себя один кассариенец, случайно попавший под суд и оправданный. Он заявил судье: «Обжалую решение в Верховный суд». «Так вы же оправданы», — удивился судья. «Все равно до Верховного суда дойду». Судья повторил: «Говорят вам, вы оправданы». И тогда кассариенец стукнул кулаком по столу: «Пускай и в Верховном суде знают, что я невиновный!».

Или, помню, школьная нянечка Эльфриде перед самой грозой сгребала сено, даже не поглядывая на черные тяжелые тучи. «Эльфриде, поторавливайся, сейчас дождь хлынет», — сказала я ей. А она в ответ: «Не бойся, не хлынет, пока не кончу». — «Это еще почему?» — «А бог, он не дурак, знает, с кем дело имеет».

Вот какие они, женщины с Кассари! Душа у них поэтичная, возвышенная. Как-то предложили мы одной древней старухе поведать ее, а она отказалась: «Я одна ходить люблю. Иду себе по лесу и пою, и пою». Недаром в Кассари говорят: «Сын, будешь жену выбирать, бери деву, которая петь любит». Песня ведь душу возвышает. И как тут не вспомнить еще один случай. Пошла одна женщина на певческий праздник, но про поросенка в загоне тоже не забыла, приколола кнопкой к дверям хлева рубленку с запиской: «Кормись сегодня сам!».

Вот так с поэзией и шуткой живут мои земляки. Витамин хорошего настроения и есть та сила, которая влекла меня всегда в Кассариимаа. И не только меня. С Кавказа, из Леселидзе, приезжает сюда Аугуст Море-плавател, тот, который знает почти все языки в мире, так что для акцента во рту уж и места не остается. Его сердцу пропало южный воздух, но все равно его тянет в родные места. Здесь, у колхозной конторы, и встретил я Тоомаса с Девичей горы, спросил про жизнь. Тоомас пронзил меня своими солнечными карими глазами и сказал, пожимая плечами:

— Смотри как глядет. По-

смотришь мрачно, вроде бы все не так, глянешь весело — знай только радоваться поспевай. Так что все от тебя зависит...

И кажется мне, что в каждом нашем человеке есть художник, остро чувствующий красоту труда и радость жизни, ее поэзию. У эстонского поэта Айна Каалепе есть такие строки: «Друг, если ты строишь дом, проруби в нем большие окна». Я много раз читал его с эстрады. В нем — глубинное содержание: жизнь должна врываться потоком света в наши дома, в наши души, должна

строить: драматург отпустил ему не так уж много слов, значит, какой же внутренней силы, глубины, таланта требует от актера этот образ, чтобы стать притягательным центром всего спектакля! Верно выбрать такого актера — для режиссера означает почти все.

Что мне кажется самым важным в современном актере? Прежде всего — соединение максимальной интеллектуальности с максимальной эмоциональностью, особая духовная сосредоточенность, глубина переживания. Такими мастерами

С В Е Т В ОКНАХ

Вольдемар ПАНСО,
народный артист Эстонской ССР

распахивать сердца людей навстречу друг другу. Меня властно тянет к себе родная земля, воздух и просторы Кассариимаа, и думаю, как же обособленно мы живем еще в городах, как порою далеки, хотя и теснимся в одном трамвае или стоим в одном магазине. Мы зачастую не знаем даже соседей по лестничной клетке, а иногда и тех, кто живет с нами под одной крышей. Мы знакомы с людьми чаще по их должности и не знаем, каковы они на самом деле, и даем себя обмануть, судя о человеке по его словам, а не по поступкам, делам.

КОРНИ человека должны оставаться в земле, в природе. Надо уметь понимать того, кто строит города и заводы, пашет землю, растит хлеб, кто доит коров, ловит рыбу и чинит трактор. Это — фундамент, на котором мы строим все остальное. И, наверное, в этом нет ничего удивительного, что для каждого из нас, деятелей искусства, обращение к истокам, к существу народной жизни, к ее разным пластам становится определяющим. Я думал об этом, когда ставил в театре имени Кингисеппа «Сплавищиков» — пьесу, основанную на фольклоре, пронизанную песенностью, жизнеутверждающей мелодикой, сопряженную с сегодняшним днем в своем пафосе слияния жизни человека труда с красотой природы. «Пока шумят сосны, будут петь птицы». Эти слова песни сплавищиков из спектакля выражают одну из главных тем: человек — часть природы, и высота его ответственность за ее будущую красоту.

Об этом же я думаю сейчас, ставя к XXV съезду КПСС пьесу Александра Гельмана «Протокол одного заседания» — о новых чертах рабочего человека, хозяйина своей страны, о коммунистах, выражающих все лучшее, что есть в народе. Как бы ни был изобретателен режиссер, каким бы изощренным ни было его мастерство, сказать свое слово на сцене он может только через актера, через его личность. Пьеса А. Гельмана дает немало интересного для актеров, но, я бы сказал, и ставит немалые задачи перед театром. Вот возьмем хотя бы один из центральных образов спектакля — секретаря парткома

были замечательные русские актеры Лев Свердлин, Борис Добронравов, которых я видел еще будучи студентом ГИТИСа, учас, режиссуре у А. Д. Попова и М. О. Кнебель. Сколько лет прошло, а в моей памяти все еще живут не только образы, созданные этими актерами, но и удивительные по своей пластической выразительности фразы, сказанные ими, паузы, заполненные раздумьями.

Недавно я видел по телевидению фильм «Петр I», снятый в 1938 году. В нем играли мой друг Николай Черкасов, один из крупнейших актеров современности Николай Симонов. Старый фильм, быть может, кое-что в его технологическом смысле уже устарело, но чем дальше я смотрел, тем больше убеждался, что фильм этот — удивительно современный. А между тем иные сегодняшние картины кажутся старомодными. В чем здесь секрет? В глубине знания жизни, в том, что замечательные мастера, даже если они играли исторических персонажей, они все равно оставались нашими современниками и не понимали под современностью плоскую злободневность, они видели и передавали движение образа, как говорил Станиславский, из вчера в завтра. Потому и по прошествии почти сорока лет их искусство остается современным.

Как театральный педагог, я думаю о том, что в актерском искусстве есть свое сольфеджио и своя гармония, они основаны на глубоком знании жизни и опыта предшествующих поколений в искусстве, открывших новую эпоху в театре и связанных с перевоплощением, постижением и показом на сцене жизни человеческого духа. Надо ли говорить, что все это требует страсти, высокоразвитого чувства современности, чувства вкуса, комплекса качеств, наконец, масштабности самой личности художника.

Если раньше достаточно было в спектакле одного яркого актера, одной личности, которая была способна держать на себе весь спектакль, то сегодня этого явно недостаточно — требуется ансамбль актерских личностей, требуется личность режиссера, личность художника, единение всех творческих сил, только тогда театру оказывается под силу решение

главной задачи — воспитание, формирование личности зрителя.

Такой подход исключает вопрос — переделывать пьесу или нет? Я не за переделки пьесы. Если она слабая, лучше ее не ставить, ибо против автора, против его замысла выступать нельзя. Хороший драматург «мстит» такого рода режиссуре — «переделщику». А если я беру классику, то должен так раскрыть ее, чтобы было ясно, почему это классика, в чем ее бессмертие, в чем ее современное звучание.

Когда зритель берет театральную программку, он смотрит не на что-то одно — имя автора, режиссера или актера; его подкупает другое, ради чего он приходит в театр, — что в шекспировской трагедии «Ричард III» в нашем театре имени Кингисеппа Ричарда играют Микки Микивер или Эйнари Коппель. Именно это сопряжение актера и образа интересно зрителю, иначе бы он просто перечитал трагедию дома. Его волнует, как создаст образ актер, как произойдет это единение двух полюсов — драматургического и сценического, как, строя образ, актер распахнет окна своей души навстречу зрителю. Театр — кафедра общественной. Здесь нет места равнодушию.

НЕТ, ВСЕ ЭТО вопросы не технологии нашего искусства. Речь идет о полноте постижения на сцене правды жизни народа, ее многообразия и глубины, ее поэтического содержания, об идейно-художественном качестве наших спектаклей. Если вера в то, что он несет на сцену, пропадет у актера, значит, в нем умер актер и родился делец. С этой минуты начинается одряхление художника, даже если ему всего двадцать лет. Такое — увы! — еще встречается. Если бы кто-нибудь смог с жестокой экспрессией Гои запечатлеть на бумаге эту жуткую картину: актер волочит по сцене свой собственный труп — из вечера в вечер, из пьесы в пьесу... Нет, не с такими актерами связана вечная жизнь и волшебство театра — оно в высоком, гражданском сопереживании зрителями всего того, что мы выносим ежевечерне на сцену. И здесь велика наша ответственность художников...

Тысячу раз прав был эстонский поэт Фр. Р. Крейцвальд, писавший о работе художника: Горсть берет в стране

мечтаний,

горсть другую —

в доме правды,

третью горсть —

в деревне слухов,

горсть большую

в долг берет он

из ларей усадьбы мысли.

Вот о чем я думаю сегодня — о будущем нашего искусства. О близости к народу, о связи с его трудом, мечтами и чаяниями, о верности искусства священным традициям, о тех великих переменах, которые делают нашу жизнь все более и более удивительной. Завтра она станет еще краше, чем сегодня или вчера.

Окончен трудовой день — напряженный, интересный. Шло репетиции спектакля «Протокол одного заседания». Я видел, с каким энтузиазмом работали актеры, как светились их глаза. И мне вспомнились солнечные глаза Тоомаса, моих давних друзей с Кассариимаа. Я иду по улице и вижу яркие и разноцветные окна таллинских домов: сколько в них света!